

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

НЕПОБЕДИМЫЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Станислав Лем

Непобедимый

«АСТ»

1964

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Лем С.

Непобедимый / С. Лем — «АСТ», 1964 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-096300-3

Космический крейсер «Непобедимый», технически совершенный корабль, приземляется на планете Регис III. Задача его экипажа - разобраться в причинах исчезновения предыдущей земной экспедиции, высадившейся год назад на этой странной земле, где жизнь так и не выбралась из океана, а суша представляет собой безмолвную пустыню... Станислав Лем, вошедший в историю фантастики благодаря удивительно правдоподобным изображениям контактов человечества с иными цивилизациями, в очередной раз предлагает нам сюжет, в котором психологически точные наблюдения соседствуют с философскими проблемами. Имеет ли право командир рисковать своими подчиненными? Сопоставима ли цена победы с ценой человеческой жизни?

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-096300-3

© Лем С., 1964

© АСТ, 1964

Содержание

Черный дождь	6
Среди руин	21
«Кондор»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Станислав Лем

Непобедимый

Stanisław Lem
NIEZWYCIEŻONY

© S. Lem, 1964

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Черный дождь

«Непобедимый», крейсер второго класса, самое крупное судно, которым располагала База в созвездии Лиры, шел на фотонной тяге через крайний квадрант созвездия. Восемьдесят три человека, составлявшие команду корабля, спали в тоннельном гибернаторе центральной палубы. Рейс был относительно недолгим, поэтому вместо полной гибернации применили углубленный сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов.

В рулевой работали только автоматы. В их поле зрения, на крестовине визира, лежал диск солнца, которое было немногим горячее обычного красного карлика. Когда диск этот занял половину экрана, аннигиляционная реакция была приостановлена. Некоторое время на всем корабле стояла мертвая тишина. Беззвучно работали климатизаторы и цифровые машины. Прекратилась тончайшая вибрация, сопутствующая эмиссии светового столба, который ранее вырывался из кормы и, как бесконечно длинная шпага пронзая мрак, отдачей двигал корабль. «Непобедимый» шел все на той же субсветовой скорости, беззвучный, глухой, кажущийся пустым.

Потом начали перемигиваться огоньки на пультах, облитых румянцем далекого солнца, пылающего на центральном экране. Ферромагнитные ленты двинулись, программы медленно вползали в недра одного устройства за другим, переключатели высекали искры, и ток устремлялся по проводам с гудением, которого никто не слышал. Электромоторы включались и, преодолевая сопротивление давным-давно застывшей смазки, с басовых нот переходили на пронзительный стон. Тусклые кадмиевые стержни выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы нагнетали жидкий натрий в змеевики охлаждения, по металлу корабельных палуб пошла дрожь, а тихое, царапающее шуршание внутри стен – будто там носились стада крохотных зверьков, постукивая коготками о сталь, – означало, что подвижные щупы автоматического ремонта уже начали свой путь длиною в километры, чтобы контролировать каждое скрепление балок, герметичность корпуса, надежность металлических стыков. Весь корабль, пробуждаясь, наполнялся звуками и движением, и лишь его команда еще спала.

Но вот очередной автомат, поглотив свою ленту с программой, послал сигналы центральному управлению гибернатора. К холодному воздуху камер примешался пробуждающий газ. Меж рядами коек из решеток в полу повеяло теплом. Однако люди долго еще как бы не хотели просыпаться. Некоторые бессильно пошевеливали руками; пустоту их леденящего сна наполняли кошмары и бред. Наконец кто-то первым открыл глаза. Корабль уже подготовился к этому. Несколько минут назад темнота в длинных палубных коридорах и в шахтах подъемников, в каютах и рулевой рубке, в барокамерах и на рабочих местах сменилась белым сиянием искусственного дня. И пока в гибернаторе слышались вздохи и полубессознательные стоны, корабль, словно не в силах дожидаться, пока очнутся люди, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране возникли полосы огня из носовой части. В безжизненное субсветовое движение вторгся толчок: мощная сила, направленная через носовые отражатели, пыталась сплющить восемнадцать тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженные на его громадную скорость. В картографических каютах плотно упакованные карты тревожно задрожали на роликах. Там и сям двигались, словно оживая, слабо закрепленные предметы; в камбузах загремела, сталкиваясь, посуда, закачались спинки пустых кресел из пенопласта, заколыхались настенные ремни и тросы на палубах. Грохот металла, звон стекла, треск пластика смешались и волной прошли сквозь ракету от носа до кормы. Тем временем из гибернатора уже слышались голоса; из небытия, длившегося семь месяцев, и короткой дремоты люди вернулись в явь.

Корабль терял скорость. Планета, вся в рыжей шерсти туч, закрыла звезды. Выпуклое зеркало океана с отраженным в нем солнцем все медленней передвигалось по экрану. В поле

зрения всплывал бурый, испещренный кратерами материк. Но люди на палубах не видели ничего. Под ними, глубоко внизу, в титановом нутре двигателя, нарастал приглушенный рев, неодолимая тяжесть срывала пальцы с рукояток. Туча, попавшая в струю выхлопа, ртутно засеребрилась, распалась и исчезла.

Рев стал невероятным. Рыжеватый выпуклый диск все заметней распластывался: из планеты всплыл материк. Уже виднелись серповидные дюны, движущиеся под ветром; лавовые потоки, расходящиеся, как спицы колеса, от ближайшего кратера, вспыхнули, отражая пламя ракетных дюз, более яркое, чем здешнее солнце.

– Полная мощность на оси! Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в следующий сектор шкалы. Маневр прошел безукоризненно. Корабль, словно опрокинутый вулкан, извергающий пламя, повис на высоте полумили над рябой равниной со скалистыми грядами, тонущими в песках.

– Полная мощность на оси! Уменьшить статическую тягу.

Уже видно было, как пламя выхлопа, вертикально падающее вниз, ударяется о почву. Там взметнулась огненная песчаная буря. Из кормы вылетали фиолетовые молнии, казавшиеся беззвучными, потому что их грохот заглушался ревом выхлопных газов. Разность потенциалов выровнялась, молнии исчезли. Какая-то переборка расстоналась; командир кивком показал на нее инженеру: резонирует, надо это устранить. Но никто не сказал ни слова, двигатели выли, корабль опускался, теперь уже без малейшей вибрации, как стальная гора, висящая на невидимых тросах.

– Половину мощности на оси! Малая статическая тяга.

Концентрическими кругами разбегались во все стороны дымящиеся песчаные волны, словно валы настоящего моря. Центр, в который ветвистое пламя дюз било с небольшой уже высоты, больше не дымился. Песок там превратился в багровые пузыри, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, испарявшегося в столбе взрывов. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

– Реакторы на холостой ход! Холодная тяга.

Голубой атомный огонь угас. Из дюз хлынули косые бороводородные лучи, и мгновенно пустыню, скалистые стены кратеров и тучи над ними залил адский зеленый свет. Базальтовая площадка, на которую должна была опуститься широкая корма «Непобедимого», больше не грозила расплавиться.

– Реакторы – ноль! На холодной тяге на посадку.

Все сердца забились живей, глаза устремились к приборам, рукоятки стали влажными в судорожно стиснутых пальцах. Эти традиционные слова означали, что возврата уже нет, что ноги станут на настоящую почву – пусть даже на песок пустынной планеты, но там будет восход и заход солнца, и горизонт, и тучи, и ветер.

– Посадка в точке надира.

Корабль наполнился протяжным стоном турбин, нагнетающих горючее вниз. Зеленый конусообразный столб огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон взвились тучи песка, ослепили перископ средней палубы, только в рулевой рубке на экранах радаров все так же возникали и гасли, повинувшись водящему лучу, очертания ландшафта, тонущего в хаосе тайфуна.

– Стоп при стыке!

Пламя мятежно клекотало под кормой, миллиметр за миллиметром сдавливаемое оседающей тушей ракеты, зеленый ад стрелял длинными брызгами в глубь колеблющихся песчаных туч. Между кормой и опаленным базальтом скалы зияла уже лишь узкая расщелина, полоска зеленого полыхания.

– Ноль – ноль. Все двигатели стоп!

Звонящий удар. Один-единственный, словно лопнуло исполинское сердце. Ракета остановилась. Главный инженер держал руки на двух рукоятках аварийного старта: скала могла не выдержать. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали свои блошинные скачки. Командир с минуту смотрел на указатель вертикали: его серебристый огонек ни на йоту не отклонялся от красного нуля. Команда молчала. Разогретые до вишневого накала дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хрипящие стоны. Красноватая туча, взвившаяся на сотни метров, оседала. Из нее возникла тупая верхушка «Непобедимого», его корпус, опаленный трением об атмосферу и потому похожий цветом на древние скалы, его шершавая двойная броня; рыжая пыль все еще клубилась и вилась у кормы, но сам корабль уже прочно замер, будто стал частью планеты, и теперь вращался вместе с ней неторопливым, испокон веков длящимся вращением под фиолетовым небом, на котором виднелись яркие звезды, исчезавшие лишь вблизи красного солнца.

– Процедура нормальная?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда он вписал посреди страницы условный знак посадки и время, и проставил в боковой рубрике название планеты: «Регис III».

– Нет, Роган. Начнем с третьей степени.

Роган старался не высказать изумления.

– Есть. Хотя... – добавил он с фамильярностью, которую Горпах порой ему разрешал, – не желал бы я быть тем, кто сообщит это команде.

Астрогатор, будто не слыша этих слов офицера, взял его за плечи и подвел к экрану, словно к окну. Песок, отброшенный выхлопами при посадке, образовал нечто вроде неглубокой котловины, увенчанной сыпучими дюнами. С высоты восемнадцати этажей смотрели они сквозь трехцветную плоскость электронных импульсов, воссоздающую точный образ мира за стенами ракеты, на скалистую зубчатую стену кратера, находившегося в трех милях отсюда. На западе ее поглощал горизонт; на востоке под ее обрывами скопились черные непроглядные тени. Застывшие гребни лавы, проступавшие из-под песка, были цвета засохшей крови. Одинокая яркая звезда пылала в небе, у верхнего края экрана. Катаклизм, вызванный сошествием с небес «Непобедимого», миновал, и вихрь пустыни, стремительный поток воздуха, вечно мчащийся от экватора к полюсу планеты, уже вдавливал первые песчаные языки под корму корабля, словно стараясь терпеливо залечить рану, нанесенную выхлопным огнем. Астрогатор включил сеть наружных микрофонов, и злобный отдаленный вой вместе с шуршанием песка, трущегося о броню, на миг наполнил высокую просторную рубку. Потом Горпах выключил микрофоны, и настала тишина.

– Так это выглядит, – медленно проговорил он. – Но «Кондор» отсюда не вернулся, Роган.

Роган стиснул зубы. Он не мог препираться с командиром. Налетали они вместе немало парсеков, но дружба у них не завязалась. Может, сказывалась большая разница в возрасте. Или пережитые вместе опасности были невелики. До чего же беспощаден этот человек с волосами почти такими же белыми, как его одежда! Без малого сотня людей неподвижно стоит на своих местах, окончив напряженную работу – сближение, триста часов торможения накопленной в каждом атоме «Непобедимого» кинетической энергии, выход на орбиту, посадка. Почти сто человек, целые месяцы не слышавших шума ветра и научившихся ненавидеть пустоту так, как может ненавидеть ее лишь тот, кто знает, что это такое. Но командир об этом, верно, не думал...

Горпах медленно пересек рулевую рубку и, опершись рукой о спинку кресла, пробормотал:

– Мы не знаем, что это такое, Роган.

И вдруг резко спросил:

– Чего вы еще ждете?

Роган быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю проводку и голосом, в котором еще дрожало подавленное возмущение, отрывисто заговорил:

– Все отсеки, внимание! Посадка завершена. Наземная процедура третьей степени. Восьмой отсек: готовить энергоботы. Девятый отсек: батареи экранировки – на запуск. Техники прикрытия – на посты. Остальная часть команды – по назначенным рабочим местам. Конец!

Когда он говорил это, глядя на мигающий соответственно модуляциям голоса глаз усилителя, ему казалось, что он видит, как их вспотевшие лица, поднятые к репродукторам, внезапно застывают от удивления и гнева. Теперь лишь они поняли; лишь теперь начинают ругаться.

– К наземной процедуре третьей степени приступили, командир, – сказал он, не глядя на старика.

Тот посмотрел на него и неожиданно усмехнулся уголками губ:

– Это лишь начало, Роган. Может, будут еще долгие прогулки на закате, кто знает...

Он вынул из неглубокого стенного шкафчика узкую тонкую книгу, открыл ее и, положив на ошетилившийся рукоятками белый пульт, спросил:

– Читали вы это?

– Да.

– Последний их сигнал, зарегистрированный седьмым гиперреле, дошел до проксимального буя в зоне Базы год назад.

– Я наизусть знаю его содержание. «Посадка на Регис III завершена. Планета пустынная, типа Субдельта-92. Выходим на сушу согласно второй процедуре в экваториальной зоне континента Эвана».

– Да. Но это был не последний сигнал.

– Знаю, командир. Сорока часами позже гиперреле зарегистрировало серию импульсов – будто бы передачу морзянкой, но лишенную всякого смысла. А потом – странные, несколько раз повторявшиеся звуки. Гертель назвал их «мяуканьем котов, которых тянут за хвост».

– Да... – произнес астрогатор, но видно было, что он не слушает.

Он опять подошел к экрану. На самом краю поля зрения, вплотную к ракете, выдвинулись звенья пандуса, по которому ровно, как на параде, двигались один за другим энергоботы – тридцатитонные машины, покрытые силиконовой огнеупорной броней. По мере того как они сползали вниз, их колпаки все больше раскрывались и поднимались, просвет между ними все увеличивался; съезжая с пандуса, энергоботы глубоко погружались в песок, но шли уверенно, вспахивая песчаный холм, который уже нанесло ветром вокруг «Непобедимого». Они попеременно расходились то в одну, то в другую сторону, и через десять минут корабль был окружен цепью металлических черепашек. Остановившись, энергоботы начали размеренно зарываться в песок, пока не исчезли, и лишь сверкающие пятнышки, равномерно размещенные на рыжих песчаных скатах, указывали места, из которых выступали купола эмиттеров Дирака. Стальной пол рубки, покрытый пенопластом, дрогнул. Тела людей пронизала дрожь – быстрая, как молния, отчетливая, хоть и еле уловимая, – и исчезла; еще мгновение от нее сводило челюсти и все расплывалось перед глазами. Но это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, ее нарушало лишь отдаленное, плывущее снизу бормотание запускаемых моторов; черно-рыжий хаос скал и вереницы медленно ползущих песчаных волн снова четко обозначились на экранах, и все было как прежде, но над «Непобедимым» распростерся невидимый купол силового поля, закрывая доступ к кораблю.

По пандусу зашагали вниз инфороботы – металлические крабы с вертушками антенн, вращающимися то влево, то вправо. По размерам они значительно превосходили эмиттеры поля – энергоботы; у них было приплюснутое туловище и изогнутые растопыренные металлические ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытаскивая глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разошлись в стороны и заняли места в промежутках цепи энергоботов. По мере того как разворачивалась операция защиты, на центральном пульте рубки

выпрыгивали из матового фона контрольные огоньки, а диски импульсных счетчиков наливались зеленоватым светом. Будто десяток больших кошачьих глаз неподвижно смотрел теперь на людей. Стрелки приборов повсюду стояли на нуле, свидетельствуя, что никто не пытается проникнуть сквозь незримую преграду силового поля. Только указатель распределения мощности продвигался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

– Спускаюсь я теперь вниз, съем что-нибудь. А вы, Роган, пожалуйста, проводите стереотип, – внезапно усталым голосом проговорил Горпах, отрываясь от экрана.

– Дистанционно?

– Если хотите, можете послать кого-нибудь... или сами пойдите.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Роган еще мгновение видел его профиль в тускло освещенной кабине лифта, беззвучно уплывающей вниз. Он поглядел на щит счетчиков поля. Нуль. «Собственно говоря, следовало начать с фотограмметрии, – подумал он. – Кружить над планетой, пока не наберется полный комплект снимков. Может, таким образом что-нибудь обнаружилось бы. Потому что визуальные наблюдения с орбиты мало чего стоят; материки – не то, что океан, и наблюдатели – не матросы на марсе. Другое дело, что комплект снимков удалось бы получить лишь примерно через месяц».

Лифт вернулся. Роган вошел в кабину, спустился на шестой ярус. На большой платформе у барокамеры толпилась масса людей, которым, собственно, нечего было тут делать, тем более что четыре сигнала, возвещающие время главного приема пищи, повторялись уже с четверть часа. Перед Роганом расступились.

– Иордан и Бланк, пойдете со мной на стереотип.

– Скафандры надевать в полном комплекте?

– Нет. Только кислородки. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы он у нас не увяз в этом чертовом песке. А вы все чего здесь стоите? Аппетит потеряли?

– Хотелось бы сойти, господин навигатор, на сушу.

– Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

– Спокойно, ребята. Придет еще время для экскурсий. Пока у нас третья степень.

Люди расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самого рослого человека. Иордан и Бланк возвращались на электрокаре, уже захватив кислородные приборы, – Роган смотрел на них, опершись на поручни коридора, который теперь, когда ракета стояла на корме, превратился в вертикальную шахту, доходящую до первой переборки машинного отделения. Он ощущал, что над ним и под ним раскинулись металлические ярусы; где-то в самом низу работали тихоходные транспортеры, слышалось слабое чавканье в гидравлических каналах, из почти сорокаметровой глубины шахты мерно плыла струя холодного очищенного воздуха от климатизаторов машинного отделения.

Двое из шлюзовой команды открыли перед ними двери. Роган машинально проверил положение ремней, прилегание маски. Иордан и Бланк вошли вслед за ним; потом металл тяжело заскрежетал под шагами робота. Пронзительный протяжный свист воздуха, всасывающегося внутрь корабля. Открылся наружный люк. Пандус для машин находился четырьмя этажами ниже. Чтобы спуститься вниз, люди воспользовались маленьким подъемником, который заранее выдвинули из брони. Его ферма доставала до верха песчаной дюны. Клетка подъемника была открыта со всех сторон; воздух там был немного холодней, чем внутри «Непобедимого». Они вошли вчетвером, тормозные магниты отключились, и они плавно спустились с одиннадцатизэтажной высоты вдоль корпуса ракеты. Роган машинально проверял, как выглядит обшивка. Не слишком-то часто удается осмотреть корабль снаружи, если он не в доке. «Досталось», – подумал он, глядя на язвы и полосы, прочерченные метеоритами. Местами броня утратила блеск, будто разъеденная крепкой кислотой.

Лифт закончил свой короткий полет, мягко осев на волны нанесенного песка. Они спрыгнули с платформы и сразу провалились по колено. Только робот, предназначенный для исследований на снежных пространствах, шагал смешной, раскачивающейся, но уверенной походкой на своих карикатурно расплюснутых ступнях. Роган велел ему остановиться, а сам с людьми внимательно осмотрел все выходные отверстия кормовых дюз, насколько это было возможно снаружи.

– Небольшая шлифовка и продувка пойдут им на пользу, – сказал он.

Только вылезши из-под кормы, он заметил, какую громадную тень отбрасывает корабль. Словно широкая дорога, тянулась она по дюнам, освещенным сильно уже склонившимся солнцем. В регулярности песчаных волн таилось странное спокойствие. Их впадины были заполнены голубой тенью, гребни розовели от заката, и этот тонкий теплый румянец напомнил Рогану цветные картинки детских книжек – такой он был невероятно нежный. Роган медленно переводил взгляд с дюны на дюну, находя все новые оттенки нежно-розового свечения; чем дальше, тем дюны делались все рыжее, их рассекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в серую желтизну, они окаймляли грозно торчащие плиты голых вулканических скал. Он стоял так и смотрел, а его помощники без спешки, движениями, ставшими от многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие резервуары пробы воздуха и песка, определяли радиоактивность почвы при помощи переносного зонда, бур которого поддерживал арктан. Роган не обращал на них никакого внимания.

Маска прикрывала лишь нос и рот, глаза были открыты, и вся голова тоже, потому что он снял неглубокий защитный шлем. Роган чувствовал, как ветер шевелит волосы, как мельчайшие пылинки песка оседают на лице и, щекоча, протискиваются за край пластиковой маски. От беспокойных порывов ветра хлопали штанины комбинезона; огромный, будто распухший, диск солнца, на который можно было смотреть целую секунду безнаказанно, торчал теперь как раз за макушкой ракеты. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задерживало движения газов, и поэтому Роган вообще не мог приметить, где встает из песков его незримая стена. Огромное пространство, доступное взгляду, было мертво, словно никогда на него не ступала нога человека, словно это была не та планета, что поглотила звездолет того же, что и «Непобедимый», класса с восемьюдесятью людьми, гигантский, надежный, не боящийся ни вакуума, ни вещества, способный за долю секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в силовые поля, которые не пробьет никакое материальное тело, или сконцентрировать в губительных лучах звездного накала, способных в прах разрушить горную цепь или иссушить море. И все же здесь погиб стальной организм, созданный на Земле, плод многовекового процветания технологии, исчез неизвестным образом, без следа, без зова о помощи, словно распался в этой рыжей и серой пустоте.

«И весь этот континент выглядит точно так же», – подумал Роган. Он помнил эти места хорошо. Видел с высоты оспицы кратеров и облака, что медленно и неустанно проплывали над ними, влача свои тени по бесконечным рядам дюн.

– Активность? – спросил он, не оборачиваясь.

– Ноль, ноль два, – ответил Иордан и поднялся с колен. Лицо его покраснело, глаза блестя; маска искажала голос.

«Это значит – меньше, чем ничего, – подумал Роган. – Впрочем, они не погибли бы от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если бы никто не позаботился о стереотипе процедуры».

– Атмосфера?

– Азота 78 процентов, аргона 2 процента, двуокиси углерода ноль, метана 4 процента, остальное – кислород.

– 16 процентов кислорода?! Это точно?

– Точно.

– Радиоактивность воздуха?

– Практически равна нулю.

Это было странно. Столько кислорода! Сообщение как током ударило Рогана. Он подошел к роботу, который немедленно поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, они попробовали обойтись без кислородных приборов?» – предположил он, хотя заранее знал, что так не могло быть. Правда, случалось иной раз, что кто-нибудь, больше других томившийся жаждой вернуться, вопреки приказу снимал маску, потому что воздух вокруг казался таким чистым, таким свежим, – и отравлялся. Но это могло случиться с кем-то одним, самое большее с двумя...

– У вас уже все? – спросил он.

– Да.

– Возвращайтесь.

– А вы?

– Я еще останусь. Возвращайтесь, – повторил он нетерпеливо: ему уже хотелось остаться одному.

Бланк перебросил через плечо связанные за ручки ремнем контейнеры, Иордан отдал роботу зонд, и они побрели, увязая в песке; арктан, очень похожий сзади на замаскированного человека, шлепал вслед за ними.

Роган подошел к крайней дюне. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера генератора силового защитного поля. Не столько для того, чтобы проверить наличие поля, сколько из детской прихоти он зачерпнул горсть песка и швырнул ее вперед. Песок полетел, вытянувшись в полосу, и, словно наткнувшись на незримое покатоое стекло, вертикально осыпался вниз.

У него прямо-таки руки чесались снять маску. Он хорошо знал, как это бывает. Выплюнуть пластиковый мундштук, сорвать ремни, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самой глубины легких...

«Расклеиваюсь я», – подумал он и медленно пошел к кораблю. Пустая пасть подъемника ждала его, платформа слегка углубилась в дюну, и ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

Уже в главном коридоре пятого яруса он глянул на стенной информатор. Командир был в звездной кабине. Роган поехал наверх.

– Словом, идиллия? – подытожил его отчет астрогатор. – Ни радиоактивности нет, ни спор, ни бактерий, ни вирусов, ни плесени – только этот самый кислород... Пробы надо, во всяком случае, дать на питательные среды...

– Они уже в лаборатории. Возможно, жизнь тут развивается на других континентах? – без убеждения проговорил Роган.

– Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной зоны тут слабая; вы разве не видели, какова толщина ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там самое меньшее восемь, если не все десять километров ледяного покрова. Скорее уж океан, какие-нибудь водоросли, планктон. Но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

– Надо будет заглянуть в эту воду, – сказал Роган.

– Спрашивать наших еще слишком рано, однако планета кажется мне старой. Такому гнилому яйцу должно быть миллиардов шесть от роду. Да и здешнее солнце уже давным-давно миновало период своего величия. Это почти что красный карлик. Вообще-то отсутствие жизни на суше заставляет задуматься. Особый вид эволюции, не переносящий сухости... Ну, допустим, этим можно объяснить наличие кислорода, но не историю с «Кондором».

– Какие-то формы жизни, какие-то подводные существа, таящиеся в океане, которые создали там, на дне, цивилизацию, – подал мысль Роган.

Оба они смотрели на большую карту планеты в проекции Меркатора, неточную, так как начерчена она была на основании данных, полученных автоматическими зондами еще в прошлом веке. На ней были отмечены лишь очертания основных континентов и океанов, линии распространения полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась точка, обведенная красным кружком, – место посадки. Астрогатор нетерпеливо передвинул карту.

– Сами вы в это не верите! – накинулся он на Рогана. – Трессор наверняка был не глупее нас с вами, не поддался бы он никаким водяным, чепуха! А кроме того, если б даже и находились под водой разумные существа, то одним из первых их действий было бы завоевание суши. Ну, скажем, хотя бы в скафандрах, наполненных водой... Абсолютная чепуха! – повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить выдумку Рогана, а просто потому, что думал уже о чем-то другом.

– Постоим здесь какое-то время, – заключил он наконец и коснулся нижнего края карты: та с легким шуршанием свернулась и исчезла в одном из отделений стеллажа для карт. – Подождем и увидим.

– А если нет? – осторожно спросил Роган. – Поищем их?

– Роган, будьте же благоразумны. Шестой звездный год, и такое... – Астрогатор искал подходящее определение, не нашел и заменил его пренебрежительным жестом. – Планета величиной с Марс. Как нам их искать? То есть «Кондора», – поправился он.

– Ну да, почва здесь железистая... – неохотно согласился Роган.

Анализы действительно показывали в песке основательную примесь окислов железа. Значит, ферроиндукционные индикаторы были здесь ни к чему. Не зная, что сказать, Роган замолчал. Он был убежден, что командир в конце концов найдет какой-нибудь выход. Не возвращаться же им с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на насупленные брови Горпаха.

– По правде говоря, я не верю, чтобы это двухсуточное ожидание что-нибудь нам дало, но правила требуют, – сделал неожиданное признание астрогатор. – Да сядьте вы, Роган. Стоите надо мной, как упрек совести. Регис – самое идиотское место, какое можно себе представить. Верх бестолковости. Непонятно, зачем посылали сюда «Кондора». Впрочем, что толку говорить, раз уж это случилось.

Горпах замолчал. В плохом настроении он всегда становился разговорчивым, легко мог втянуть в спор, даже фамильярный по тону, что было небезопасно – командир мог в любую минуту оборвать разговор какой-нибудь резкостью.

– Словом, так или иначе, а что-то нужно делать. Знаете что? Давайте-ка выведем на экваториальную орбиту пару малых фотонаблюдателей. Но чтобы это была добросовестная круговая орбита. И низкая. Километров этак семьдесят.

– Это еще в пределах ионосферы, – запротестовал Роган. – Они сгорят через несколько десятков витков.

– Пусть сгорят. Но до этого сфотографируют, что удастся. Я вам посоветовал бы рискнуть даже на шестьдесят километров. Они, возможно, сгорят уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с такой высоты, могут что-нибудь дать. Вы знаете, как выглядит ракета с высоты ста километров даже через самый лучший телеобъектив? Булавочная головка по сравнению с ней покажется целым горным массивом. Давайте-ка это сразу... Роган!

На этот окрик навигатор обернулся, уже стоя на пороге. Командир швырнул на стол акт с результатами анализов.

– Что это такое?! Что еще за идиотизм? Кто это писал?

– Автомат. А в чем дело? – спросил Роган, стараясь сохранять спокойствие, хотя и его уже разбирала злость.

«Пойдет теперь брюзжать», – подумал он, приближаясь с нарочитой неторопливостью.

– Читайте. Здесь. Вот здесь.

– Метана четыре процента, – прочел Роган. И вдруг остолбенел.

– Метана четыре процента, а? А кислорода – шестнадцать? Вы знаете, что это такое? Гремучая смесь! Может, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы садились на бороводороде?

– Действительно... не понимаю... – пробормотал Роган.

Он подбежал к пульту наружного контроля, вобрал извне через зонды эксгаустера немного воздуха и, пока астрогатор в зловещем молчании прогуливался по рубке, смотрел, как анализаторы усердно постукивают стеклянными сосудами.

– Ну и что?!

– То же самое. Метана четыре процента, кислорода – шестнадцать, – сказал Роган.

Правду говоря, он совершенно не понимал, как это возможно, и все же почувствовал удовлетворение – по крайней мере Горпах ни в чем его теперь не сможет упрекнуть.

– Покажите-ка! Гм... Метана – четыре... ну, чтоб меня черти... ладно! Роган, зонды на орбиту, а потом прошу пожаловать в малый лаб. В конце концов, для чего же у нас ученые? Пускай они себе головы ломают.

Роган спустился вниз, вызвал двух техников-ракетчиков и передал им распоряжение астрогатора. Потом поднялся на второй ярус. Тут размещались лаборатории и каюты специалистов. Он проходил мимо узких, утопленных в металлические переборки дверей с двухбуквенными табличками: «Г. И.», «Г. Ф.», «Г. Т.», «Г. Б.» и другими точно такими же. Двери малой лаборатории были широко распахнуты; сквозь монотонный говор ученых иногда прорывался бас астрогатора. Роган остановился у порога. Тут собрались все «главные» – главный инженер, биолог, физик, врач и все технологи из машинного отделения. Астрогатор сидел в крайнем кресле, под электронным программником подручной цифровой машины, а оливково-смуглый Модерон говорил, сплетая маленькие, как у девочки, руки:

– Я не специалист по химии газов. Во всяком случае, это, по-видимому, не обычный метан. Иная энергия связей; разница всего лишь в сотых долях, но имеется. Он вступает в реакцию с кислородом лишь при наличии катализаторов, да и то вяло.

– Какого происхождения этот метан? – спросил Горпах, крутя большими пальцами.

– Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Этого мало, но нет сомнений...

– Изотопы имеются? Какого возраста? Сколько ему, этому метану?

– От двух до пятнадцати миллионов лет.

– Ничего себе расхождение!

– Времени у нас было всего полчаса. Ничего больше сказать не могу.

– Доктор Квастлер! Откуда берется этот метан?

– Не знаю.

Горпах поочередно посмотрел на своих специалистов. Можно было ожидать вспышки гнева, но он внезапно усмехнулся.

– Слушайте, вы – люди опытные. Летаем мы вместе не со вчерашнего дня. Я прошу высказать ваше мнение. Что нам теперь следует сделать? С чего начать?

Поскольку никто не торопился высказываться, биолог Иоппе, один из немногих, кто не боялся вспыльчивости Горпах, сказал, спокойно глядя в глаза командиру:

– Это – не обычная планета класса Субдельта-92. Если б она была обычной, «Кондор» не погиб бы. Специалисты «Кондора» были не хуже и не лучше, чем мы, а поэтому единственное, что известно наверняка: их познаний оказалось недостаточно, чтобы предотвратить катастрофу. Из этого следует, что мы должны и дальше проводить процедуру третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что надо начать геологические бурения, а одновременно

заняться здешней водой. Все остальное базировалось бы на предположениях, а мы не можем позволить себе такую роскошь в данной ситуации.

– Хорошо. – Горпах сжал челюсти. – Бурение в пределах силового поля – не проблема. Займется этим доктор Новик.

Главный геолог кивнул.

– Что касается океана... Роган, на каком расстоянии от нас береговая линия?

– Около двухсот километров, – сказал навигатор, ничуть не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Роган стоял в нескольких шагах за ним, у дверей.

– Далековато. Но «Непобедимого» мы уж не будем трогать с места. Вы, Роган, возьмете столько человек, сколько сочтете нужным; включите Фитцпатрика или еще кого-нибудь из океанологов. И шесть резервных энергоботов. Поедете с ними на берег. Действовать будете только под силовой защитой: никаких прогулок по морю, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться – у нас их не слишком-то много. Ясно? Значит, можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались.

– В принципе да, – сказал наконец не вполне уверенно Стормонт.

– Что значит «в принципе»? Можно дышать или нет?

– Такое количество метана не безразлично для организма. Через некоторое время создастся перенасыщение крови, и это может вызвать такие легкие мозговые явления, как расстройство координации, глухоту... но это лишь через час, а то и через несколько часов.

– А может, применить какой-нибудь поглотитель метана?

– Нет. То есть нет смысла делать такие поглотители, потому что их пришлось бы часто менять, а кроме того, процент кислорода все же низковат. Я лично – за кислородные аппараты.

– Хм... Остальные тоже?

Витте и Эльдьярн кивнули. Горпах встал.

– Значит, приступаем. Роган! Как дела с зондами?

– Сейчас будем забрасывать. Можно мне перед выходом проконтролировать орбиты?

– Можно.

Роган вышел, оставив за собой гомон лаборатории. Когда он переступил порог рулевой рубки, солнце как раз заходило. Темный, чуть ли не фиолетовым пурпуром набухший краешек его диска со сверхъестественной отчетливостью чеканил на горизонте зубчатый контур кратера. Небо, которое в этой области Галактики роилось звездами, казалось сейчас каким-то неестественно громадным. Все ниже загорались большие созвездия, словно поглощая тающую во тьме пустыню. Роган вызвал по интеркому людей, обслуживавших носовую катапульту для спутников. Они как раз собирались запустить первую пару фотоспутников. Следующие должны были отправиться вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты должны будут дать изображение всего экваториального пояса.

– Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу... – повторял певучий голос в репродукторе.

Роган убавил громкость и повернул кресло к контрольному щиту. Никому бы он в этом не признался, но его всегда занимала игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала вспыхнули рубиновые, белые и голубые контрольки бустера. Потом забормотал стартовый автомат. Когда внезапно оборвалось его тиканье, легкая дрожь прошла по всему корпусу крейсера. Пустыня на экранах тут же озарилась фосфорическим сиянием. С тонким, предельно напряженным гудением, обливая корабль потоками пламени, миниатюрный снаряд вылетел из носовой катапульты. Сияние удаляющегося спутника все слабее перебежало по склонам дюн и наконец угасло. Гул ракеты затих, зато жаром световой лихорадки охватило весь контрольный щит. С горячечной поспешностью выскакивали из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, им уверенно поддакивали жемчужные лампочки дистанционного

управления, потом появились сигналы о поочередном выбрасывании обгоревших гильз, похожие на разноцветную разукрашенную елочку, и наконец надо всем этим радужным скопищем вспыхнул белый чистый прямоугольник – знак того, что спутник вышел на орбиту. Посреди снежно-белой блестящей поверхности прямоугольника замаячило серое пятнышко и, подрагивая, сложилось в цифру 67. Это была высота полета. Роган еще раз просчитал элементы орбиты; и перигей, и апогей уместались в заданных границах. Здесь ему уже нечего было делать. Он посмотрел на ракетные часы, показывавшие восемнадцать ноль-ноль, потом на те часы, что показывали местное время – одиннадцать ночи. На минуту закрыл глаза. Роган был рад этой вылазке на океан: он любил действовать самостоятельно.

Он ощущал сонливость и голод. С минуту раздумывал, не принять ли стимулирующую таблетку. Но решил, что достаточно будет поужинать. Вставая, он почувствовал, до чего измучен, удивился – и это удивление его слегка взбодрило.

Роган спустился вниз, в кают-компанию. Там уже сидели люди из его группы – два водителя вездеходов на воздушной подушке, с ними Ярг, которого он любил за неизменно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они заканчивали ужин, а Роган еще только заказывал горячий суп, вынимал из настенного лифта хлеб и бутылки безалкогольного пива. Он нес все это на подносе к столу, когда пол легонько дрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

Командир не разрешил ехать ночью. Они отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Двигались строем, который был прозван погребальным шествием – из-за строгого порядка, продиктованного необходимостью, а также из-за тягостной медлительности. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали все машины, идущие посередине, – универсальные вездеходы, снабженные рациями и радарам, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметическим жилым баракком и малый лазер ближнего боя на гусеничном ходу, в просторечии именуемый шилом.

Роган уселся вместе с тремя учеными в передний энергобот. Это было, по правде говоря, неудобно, они еле уместались там, но по крайней мере создавалась иллюзия более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приравнивать к самым медленным машинам, то есть именно к энергоботам.

Поездку нельзя было назвать изысканным удовольствием. Гусеничные вездеходы рычали и хрипели в песках, турбинные двигатели ныли, как комары слоновых размеров; прямо за спиной у сидящих рвался из решеток кондиционеров охлаждающий воздух, а энергобот бултыхался, как груженная шлюпка на волнах.

Черный шпиль «Непобедимого» вскоре скрылся из виду. Некоторое время они двигались в горизонтальных лучах солнца, холодного и красного, как кровь, по однообразной пустыне; песка постепенно становилось все меньше, из-под него выступали косо торчащие утесы, их приходилось объезжать. Кислородные маски в сочетании с воем двигателей не располагали к беседе. Все внимательно изучали местность, но пейзаж не менялся – до самого горизонта громоздились скалы, большие выветрившиеся глыбы. Наконец равнина пошла под уклон, и на дне очень пологой котловины показался узкий, полувысохший ручей; в воде его блестело отражение красной зари. Галечные отмели, тянувшиеся по обе стороны ручья, свидетельствовали о том, что вода здесь иногда сильно прибывает. Остановились ненадолго, чтобы исследовать воду. Она была абсолютно чистой, но довольно жесткой – с примесью окислов железа и незначительными следами сульфидов. Двинулись дальше, теперь уже несколько быстрее – гусеницы легко шли по каменистому грунту. На западе возникли невысокие обрывистые холмы.

Машина, замыкавшая строй, поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, локаторщики, то и дело поправляя наушники, корпели у своих экранов, жуя ломтики концентратов. Иногда из-под воздушной струи двигателя с разгону

отскакивал камень и прыгал вверх, будто внезапно оживший. Потом дорогу преградили пологие нагие холмы. Не останавливаясь, взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рогану, что в кремнеземе здесь много органических примесей. Наконец, когда черно-синей линией обозначилось впереди водное зеркало, они обнаружили и известняк.

Вездеходы спускались к берегу, грохоча по маленьким плоским камешкам. Горячее дыхание машин, визг гусениц, вой турбин – все это внезапно утихло, когда океан, зеленоватый вблизи и совершенно земной с виду, оказался в ста метрах. Теперь началось сложное маневрирование: чтобы прикрыть рабочую группу полем, пришлось ввести головной энергобот довольно глубоко в воду. Сначала машину герметизировали, и она, управляемая с другого энергобота, пошла в воду, вздымая вспененные волны, и постепенно превратилась в еле заметное темное пятно в глубине; лишь тогда по сигналу, поданному с центрального поста, затопленный гигант выдвинул на поверхность эмиттер Дирака; и когда поле установилось, прикрывая своим невидимым куполом часть берега и прибрежных вод, начались исследования.

Океан был несколько менее солон, чем земной; однако анализы не дали никаких сенсационных результатов. Через два часа они знали примерно столько же, сколько вначале. Поэтому решили выслать в открытое море два телеуправляемых телевизионных зонда и с центрального поста прослеживали на экранах их путь. Но лишь когда зонды удалились за черту горизонта, сигналы принесли первое важное сообщение. В океане существовали какие-то организмы, по форме напоминающие костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с невероятной быстротой, ища спасения в глубине. Эхолоты определили глубину моря в этом месте первого контакта – полтора метра.

Броза уперся – нужна ему хоть одна такая рыба. Начали охотиться, зонды гонялись за тенями, стремительно извивающимися в зеленой тьме, стреляли электрическими разрядами, но эти самые рыбы проявляли необычайную способность маневрировать. Лишь после нескольких выстрелов удалось поразить разрядом одну рыбу. Зонд, ухвативший ее в свои клещи, немедленно направили к берегу. Кехлин и Фитцпатрик тем временем манипулировали другим зондом, собирая образцы поднимающихся из глубины волокон, которые сочли здешним видом водорослей. Потом они послали зонд на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение очень мешало управлять им – зонд все время сносило на груды подводных скал. Наконец удалось перевернуть некоторые из них. Как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием находилась целая колония гибких кистевидных созданий.

Когда оба зонда вернулись в границы поля, биологи принялись за работу в установленном тем временем бараке, где можно было наконец снять осточертевшие кислородные маски. Роган, Яр и пятеро остальных впервые за этот день отведали горячей пищи.

До самого вечера они собирали образцы минералов, исследовали придонную радиоактивность воды, измеряли интенсивность солнечного освещения и делали еще сотню таких же нудных, кропотливых дел, которые надо выполнять добросовестно, даже педантично, если хочешь получить надежные результаты. К сумеркам все, что возможно, было сделано, и, когда Горпах вызвал его с «Непобедимого», Роган мог со спокойной совестью подойти к микрофону.

В океане было полным-полно живых существ, которые, однако, все до одного избегали прибрежной зоны. В организме рыбы при вскрытии не обнаружилось ничего особенного. Эволюция жизни на планете, по предварительным расчетам, продолжалась несколько сотен миллионов лет. Обнаружили значительное количество зеленых водорослей, это объяснило наличие кислорода в атмосфере. Деление живых организмов на растительные и животные было типичным; типичными оказались и скелетные структуры позвоночных. Единственное, чему биологи не знали аналогии на Земле, был особый орган чувств у пойманной рыбы, реагирующий на самые ничтожные изменения напряженности магнитного поля.

Горпах велел экспедиции немедленно возвращаться и в конце разговора сказал, что имеются новости: кажется, удалось установить место посадки погибшего «Кондора».

Поэтому, несмотря на протесты биологов, утверждавших, что им и нескольких недель было бы мало для исследований, собрали барак, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Роган не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре» – он и сам их не знал. Ему хотелось поскорей очутиться на корабле; он предполагал, что командир даст ему очередное задание, сулящее более важные открытия. Конечно, теперь необходимо было прежде всего обследовать предполагаемое место посадки «Кондора». Поэтому Роган выжимал из машин всю доступную им скорость, и гусеницы совсем уж адски лязгали и скрежетали, размалывая камни.

Наступила тьма, и зажглись большие фары машин; это выглядело необычно – даже грозно: движущиеся снопы света то и дело выхватывали из мрака бесформенные и будто шевелящиеся силуэты великанов, которые оказывались только скалами – свидетелями прошлого, последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось притормаживать у глубоких расселин, зияющих в базальте. И наконец, далеко уже за полночь, они увидели освещенный со всех сторон, будто на параде, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». По всему пространству силового поля сновали вереницы машин – выгружались припасы, горючее; группы людей стояли у пандуса в слепящем свете прожекторов. Уже издали слышались отголоски этой неустанной суетни. Над движущимися столбами света вздымался молчаливый, испещренный перебегающими световыми пятнами корпус крейсера. Вспыхнули голубые огни, указывая, где будет открыта дорога сквозь силовую завесу, и машины, покрытые толстым слоем пыли, одна за другой въехали в защищенный круг. Роган, не успев еще спрыгнуть с машины, окликнул одного из стоявших поблизости – он узнал Бланка, – спрашивая, что с «Кондором».

Но боцман ничего особенного не знал, Роган от него мало что услышал. Перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника доставили одиннадцать тысяч снимков; по мере их поступления снимки наносились на особым образом протравленные пластинки в картографической каюте. Чтобы не терять времени, Роган вызвал к себе техника-картографа Эрета и, принимая душ, расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотограмме следы «Кондора». Это зернышко стали в океанах песка разыскивали около тридцати человек одновременно: кроме планетологов, на это дело мобилизовали картографов, радарных операторов и всех пилотов. Сутки напролет они посменно просматривали поступающие снимки, отмечая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но известие, переданное Рогану командиром, оказалось ошибочным. За корабль приняли редкостно высокий каменный столб, отбрасывающий тень, поразительно похожую на четкую тень ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не знали.

Роган хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже отправился спать. Роган тоже пошел к себе. Несмотря на усталость, долго не мог уснуть. А когда он встал утром, астрогатор через Баллмина, руководителя планетологов, передал распоряжение отправить весь собранный материал в главную лабораторию. В десять утра Роган ощутил такой голод – он еще не завтракал, – что спустился на второй ярус, в малую кают-компанию радарных операторов. И тут, когда он стоя допивал кофе, к нему ринулся Эретт.

- Что, нашли его? – резко спросил Роган, увидев взволнованное лицо картографа.
- Нет. Но нашли нечто большее. Идите скорей, вас вызывает астрогатор...

Рогану казалось, что стеклянный цилиндр подъемника ползет невероятно медленно. В затемненной каюте было тихо, лишь шуршали реле, а из подающего отверстия выплывали все новые и новые влажно блестящие снимки. Два техника выдвинули из стенного люка нечто вроде эпидиаскопа и погасили остальное освещение как раз в тот момент, когда Роган открыл двери. Он успел заметить белеющую среди других голову астрогатора. Потом засеребрился спущенный с потолка экран. Все затаили дыхание. Роган постарался придвинуться поближе

к большой светлой плоскости. Снимок был не слишком удачный и вдобавок черно-белый. Посреди мелких, хаотически разбросанных кратеров выделялось голое плоскогорье, с одной стороны обрывающееся по такой прямой линии, словно скалы рассек какой-то гигантский нож: это была береговая линия; остальную часть снимка заполняла однообразная чернота океана. Неподалеку от обрыва распростерлось мозаичное скопище нечетко очерченных форм, в двух местах перекрытое полосами облаков и их тенями. Но все равно не подлежало сомнению, что эта странная, нечетко просматриваемая формация не является геологическим образованием.

«Город...» – взволнованно подумал Роган, но не сказал этого вслух. Все по-прежнему молчали. Техник возился у эпидиаскопа, тщетно пытаясь увеличить четкость изображения.

– Были помехи на приеме? – раздался в тишине спокойный голос астрогатора.

– Нет, – ответил из темноты Баллмин. – Прием был чистый, но это один из последних снимков третьего спутника. Через восемь минут после этого он перестал отвечать на сигналы. Вероятно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные высокой температурой.

– Камера находилась над эпицентром не выше семидесяти километров, – добавил кто-то; Рогану показалось, что это говорит один из самых способных планетологов, Мальте. – А по правде говоря, я оценил бы ее в пятьдесят пять – шестьдесят километров... Посмотрите, пожалуйста. – Его силуэт заслонил часть экрана: он приложил к изображению прозрачный пластиковый шаблон с вырезанными кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка. – Они заметно больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем, – заметил он, – это не имеет особого значения. Так или иначе...

Планетолог не закончил, но все поняли, что он хотел сказать: что вскоре они проверят точность снимка, поскольку исследуют эту область планеты. Некоторое время все продолжали вглядываться в изображение на экране. Роган уже не был так уверен, что на экране – город или, точнее, развалины города. О том, что это геометрически правильное образование давно уже покинуто, свидетельствовали тонкие волнистые линии песчаных заносов, которые со всех сторон обтекали странные строения, – некоторые почти утонули в песчаном разливе пустыни. Кроме того, эти геометрически четкие руины делила на две неравные части черная зигзагообразная линия, расширяющаяся по мере продвижения в глубь материка, – сейсмическая трещина, пополам расколовшая некоторые большие «строения». Одно из них, очевидно, рухнувшее, образовало нечто вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

– Дайте свет, – сказал астрогатор. Когда стало светло, он взглянул на стенные часы. – Через два часа стартуем.

Послышались озадаченные возгласы. Особенно энергично протестовали люди главного геолога, которые во время пробных бурений уже углубились в почву на двести метров. Горпах повел рукой, показывая, что никаких дискуссий не будет.

– Все машины возвращаются на корабль. Обеспечьте сохранность полученных материалов. Просмотр снимков и дальнейшие анализы идут своим чередом. Где Роган? А, вы тут? Хорошо. Слыхали, что я сказал? Через два часа все должны быть на стартовых местах.

Возвращение выгруженных машин на борт проводилось торопливо, но упорядоченно. Роган был глух к мольбам Баллмина, который выпрашивал еще хоть четверть часа на бурение.

– Вы же слышали, что сказал командир, – повторял он направо и налево, подгоняя монтажников, которые на самоходных кранах подъезжали к выкопанным рвам.

Буровая аппаратура, временные решетчатые платформы, контейнеры с горючим поочередно отправлялись в грузовые люки. Когда остались лишь скважины и перекопанный грунт, свидетельствовавшие о проделанной работе, Роган и Вестергард, заместитель главного инженера, на всякий случай еще раз обошли места начатых исследований. Потом люди исчезли в люке корабля. Лишь тогда зашевелился песок на дальних обводах защитного поля – вызванные

по радио энергоботы возвращались вереницей, укрывались в люках корабля; затем «Непобедимый» втянул внутрь, под бронированные плиты пандус и вертикальную клеть подъемника для экипажа, и на мгновение все стихло. Потом однообразный вой ветра был заглушен металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы. Клубы пыли окутали корму, зеленое зарево замерцало в них, сливаясь с красным солнечным светом, помчались стремительные немолчные громы, сотрясая пустыню и многократным эхом отражаясь в скалистых стенах кратера, – корабль медленно вознесся в воздух, чтобы, оставив за собой выжженный круг на скале, остекленевший песок и туманные клочья конденсации, с нарастающей скоростью исчезнуть в фиолетовом небе.

Много позже, когда последний след его пути, обозначенный белесой струей пара, уже расплылся в воздухе, а движущиеся пески начали прикрывать обнаженную скалу и заполнять опустевшие рытвины и ямы, на западе появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, выдвинутым клубящимся крылом окружила место посадки и повисла над ним. Некоторое время она висела неподвижно. Когда солнце уже заметно склонилось к горизонту, из тучи на пустыню начал падать черный дождь.

Среди руин

«Непобедимый» сел на тщательно выбранном месте, почти за шесть километров на север от внешней границы того, что они называли городом. «Город» неплохо просматривался из рубки. Сейчас еще больше, чем при разглядывании фотоснимков, казалось, что это искусственно созданные конструкции. Угловатые, черно-серые, иногда металлически поблескивающие, обычно более широкие у основания, разные по высоте, они раскинулись на много километров. Но даже самые сильные оптические приборы не помогали различить детали; казалось лишь, что большинство этих строений дыряво, как решето.

На этот раз еще не утих металлический хрип остывающих дюз, а корабль уже выдвинул из своего нутра пандус и клеть подъемника и окружил себя линией энергоботов. И сразу же на границе пространства, защищенного силовым полем, как раз против «города», который нельзя было увидеть с низины за цепью невысоких холмов, собралась группа из пяти вездеходов – к ней присоединился вдвое превышавший их размерами, похожий на чудовищного жука с синеватым панцирем самоходный излучатель антиматерии.

Командиром оперативной группы был Роган. Он стоял, выпрямившись, в первом вездеходе, в его открытой башенке, ожидая, когда по приказу с борта «Непобедимого» откроется проход через силовое поле. Инфороботы на двух ближайших холмах выпустили вереницу негаснущих зеленых ракет, обозначая проход, и, построившись по двое, маленькая колонна во главе с вездеходом Рогана тронулась в путь.

Басовито пели двигатели, фонтаны песка неслись от воздушных подушек исполинских машин; впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, двигался над землей робот-разведчик, похожий на сплюснутую тарелку, с мелко вибрирующими сяжками, а газовая струя, которую он выбрасывал из-под себя, взметала верхушки дюн, и казалось, что он попутно зажигает на дюнах незримый огонь. Поднятая пыль долго не оседала в почти неподвижном воздухе, и путь колонны обозначался красноватой клубящейся полосой.

От машин ложились все более длинные тени: близился закат. Колонна обошла лежавший на ее пути почти полностью засыпанный кратер и через двадцать минут добралась до зоны руин. Тут строй ее изменился. Три вездехода-автомата полукругом выдвинулись вперед и включили ярко-голубые огни, сигнализируя, что локальное силовое поле создано. Две машины с людьми шли внутри этого движущегося прикрытия. В пятидесяти метрах за ними шагал на своих двухэтажных сгибающихся ногах исполинский излучатель антиматерии. Перебравшись через засыпанный песком клубок чего-то вроде изодранных металлических тросов или проводов, они задержались: одна нога излучателя сквозь песок провалилась в невидимую щель. Два арктана прыгнули с вездехода Рогана и освободили увязшего гиганта. Потом колонна двинулась дальше.

То, что они называли городом, в действительности ничуть не походило на земные поселения. Утонув на неизвестную глубину в движущихся песках, стояли темные массивы с усыпанными шипами, словно бы ошестинившимися поверхностями, не похожие ни на что знакомое людям. Эти сооружения, которым и названия нельзя было подобрать, достигали высоты нескольких этажей. Не было в них ни окон, ни дверей, ни даже стен. Одни походили на собранные в складки и взаимопроникающие в бесконечно многих направлениях сети очень плотной вязки с утолщениями в местах взаимопереходов; другие выглядели как усложненные пространственные арабески, которые могли бы образоваться из взаимопроникающих пчелиных сотов или решет с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе, в каждой видимой плоскости можно было обнаружить своеобразную регулярность, не такую однородную, как в кристалле, но несомненную, повторяющуюся в определенном ритме, хоть его часто и прерывали следы разрушений. Некоторые конструкции, состоящие словно из огра-

ненных и плотно сросшихся ветвей (но эти ветви не росли произвольно, как бывает у деревьев и кустарников, – они представляли собой либо части дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально; встречались и наклонные конструкции, будто половинки разводного моста. Ветры, дующие чаще всего с севера, нагромождали на всех горизонтальных плоскостях и на неглубоких прогибах летучий песок, – издали многие из этих руин походили на приземистые пирамиды с усеченными вершинами. Однако вблизи эти будто бы гладкие поверхности оказывались системой ветвистых остроконечных прутьев, реек, кое-где так плотно переплетенных, что в их чаще задерживался песок.

Рогану показалось было, что это какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые омертвелой, иссохшей растительностью. Но через несколько шагов и это впечатление исчезло, ибо сквозь хаос разрушений проступала регулярность, чуждая живому. Руины не были ни монолитными – в металлической чаще зияли просветы, – ни пустыми: переплетения «ветвей» проникали всюду. Роган подумал было об излучателе, но применять силу не имело смысла – вторгаться было некуда.

Порывистый ветер гнал меж высоких бастионов облака едкой пыли. Правильно расположенные чернеющие отверстия были заполнены песком, который все осыпался струйками, образуя у подножий крутые конусы. Его неустанный шорох сопровождал людей повсюду. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения молчали. Слышались только скрип песка под колесами да прерывистое завывание двигателей, когда машины маневрировали на поворотах. Колонна то утопала в глубокой холодной тени гигантских сооружений, то снова выходила на песок, озаренный пурпурным светом.

Наконец они добрались до тектонической трещины. То была расселина шириной в сотню метров, образовавшая пропасть, с виду бездонную и уж наверняка страшно глубокую, раз ее не заполнили нескончаемые лавины песка, неустанно свержавшегося вниз под порывами ветра. Здесь они сделали остановку. Роган послал на другую сторону летающего робота-разведчика и всматривался на экране в то, что ловил робот своими телеобъективами; но и там картина была все та же. Через час разведчика вызвали обратно, и Роган, посоветовавшись с Баллмином и физиком Грелевым, которые сидели в его машине, решил более детально осмотреть несколько руин.

Сначала они попробовали выяснить при помощи ультразвуковых зондов, какова толщина песчаного слоя на «улицах» мертвого «города». Это было весьма канительное занятие. Результаты зондирований не совпадали один с другим, – вероятно, потому, что скалистая подпочва подверглась внутренней декристаллизации во время землетрясения, вызвавшего тектонический разлом. Судя по всему, в этой огромной неглубокой котловине слой песка достигал толщины от семи до двенадцати метров.

Колонна двинулась на восток, к океану, и, проехав одиннадцать километров по дороге, извивавшейся между черными руинами, которые делались все ниже и все меньше выступали из песка, пока не исчезли совсем, добралась до голых скал. Тут они остановились у обрыва, такого высокого, что грохот волн, разбивающихся о его подножие, доходил сюда как еле слышный отголосок. Полоса обнаженного, свободного от песка камня, неестественно гладкого, отмечала линию обрыва; на севере вздымалась вереница горных вершин, которые застывшими уступами спадали к зеркалу океана.

«Город» остался позади – черный ритмичный силуэт, окутанный рыжеватой дымкой. Роган связался с «Непобедимым», передал астрогатору добытую информацию, в сущности, равную нулю, и колонна, по-прежнему соблюдая меры предосторожности, вернулась в глубь развалин.

По дороге случилось небольшое происшествие. Крайний слева энергобот, вероятно, вследствие маленькой ошибки в курсе, слишком расширил радиус силового поля, так что оно коснулось края склонившегося над ними остроконечного сотовидного строения. Излучатель

антиматерии, который кто-то сориентировал на автоматический удар в случае нападения, был подсоединен к указателям потребления мощности поля; внезапный скачок потребления он истолковал как явный признак того, что кто-то пытается проникнуть в силовое поле, и выстрелил в безвинную развалину.

Вся верхняя секция изогнутого строения величиной с земной небоскреб утратила свою грязно-черную окраску, раскалилась и ослепительно засверкала, чтобы в следующую долю секунды превратиться в ливень кипящего металла. Ни одна капля не попала на едущих – огненные струи соскользнули по поверхности невидимого купола, созданного силовым полем, и, прежде чем достигли земли, испарились от жара термической волны. Однако аннигиляция вызвала скачок радиоактивности, счетчики Гейгера автоматически включили сигнал тревоги, и Роган, в ярости пообещав кости переломать тому, кто так запрограммировал аппаратуру, потратил дорогие минуты на отмену тревоги и на ответ «Непобедимому», который заметил вспышку и немедленно запросил о ее причине.

– Пока мы только всего и знаем, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, – сказал Баллмин, который, не смущаясь поднявшейся суматохой, воспользовался случаем и проделал спектроскопический анализ пламени, охватившего развалины.

– Можете вы определить их возраст? – спросил Роган, стряхивая мелкий песок, налипший на руках и лице.

Скрюченную от жара уцелевшую часть развалин они уже миновали; она висела теперь над пройденной ими дорогой, как сломанное крыло.

– Нет. Могу только сказать, что они чертовски старые. Чертовски старые, – повторил Баллмин.

– Надо исследовать их поближе... И не буду я спрашивать разрешения у старика, – добавил Роган с внезапной решимостью.

Они остановились у сложного объекта, состоящего из перекрещенных посредине ответвлений. Открылась обозначенная двумя ракетами дверца в силовом поле.

Вблизи это совсем уж казалось хаосом. Фронтон постройки состоял из треугольных плит, покрытых проволочными «щетками»; изнутри эти плиты подпирались сплетением стержней толщиной с крупную ветвь; снаружи это сплетение еще выглядело в какой-то мере упорядоченным, но в глубине, куда они пытались заглянуть, светя сильными рефлекторами, стержни разветвлялись, расходясь в стороны от толстых узлов, снова сплетались, и все это вместе походило на гигантскую проволочную сетку, в которой лежит бесконечное множество свернутых в клубок и перепутанных кабелей. Искали в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, наконец, радиоактивности – никаких результатов.

Зеленые огни, отмечавшие вход в поле, тревожно мерцали. Свистел ветер, потоки воздуха, врываясь в стальную чашобу, сатанински выли.

– Что могут означать эти проклятые джунгли?!

Роган утирал лицо, счищая песок, прилипший к потной коже. Они вдвоем с Баллином стояли на окаймленной невысокими перилами плоской верхушке летающего разведчика, который висел на высоте пятнадцати – восемнадцати метров над «улицей», а точнее – над занесенной песком треугольной площадью среди двух сходящихся развалин. Глубоко внизу виднелись машины и маленькие, словно игрушечные, фигурки людей, которые смотрели вверх, запрокинув головы.

Робот медленно парил над строениями. Теперь они находились над поверхностью, из которой густо торчали черные металлические острия; местами ее прикрывали треугольные плиты, но они не лежали в одной плоскости – отклоняясь вверх или в сторону, они позволяли заглянуть в залитое мраком нутро. Переборки, стержни, стенки с сотовидными углублениями переплетались так густо, что туда не мог проникнуть солнечный свет, – в них бессильно вязли даже лучи прожекторов.

– Как вы думаете, Баллмин, что это может означать? – повторил Роган.

Он был зол. Лоб, который непрерывно приходилось вытирать, покраснел, кожа болела, глаза жгло. Через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт «Непобедимому», а он даже слов не мог найти, чтобы описать то, что увидел.

– Я не ясновидец, – ответил Баллмин. – Я даже не археолог. Думаю, впрочем, что и археолог ничего бы вам не сказал. Кажется мне... – Он замолчал.

– Ну, говорите же?

– По-моему, это не похоже на жилые строения. На развалины жилищ каких угодно созданий, понимаете? Если это вообще с чем-либо можно сравнить, так разве что с машиной...

– С машиной, да? Но с какой? С хранилищем информации? С каким-то вариантом электронного мозга?

– Вы, должно быть, и сами в это не верите... – флегматично проговорил планетолог.

Робот сдвинулся в сторону, по-прежнему почти касаясь прутьев, беспорядочно торчащих среди погнутых плит.

– Нет. Не было тут никаких электрических цепей. Где вы видите ограждения, изоляцию, экранировку?

– Может, они были из горючего материала. Их мог уничтожить огонь. В конце концов это же развалины, – ответил Роган без особой уверенности.

– Может быть, – неожиданно согласился Баллмин.

– Так что же мне сказать астрогатору?

– Лучше всего покажите ему эту абракадабру прямо по телевидению.

– Это был не город... – вдруг сказал Роган, словно подытожив в уме все, что увидел.

– Вероятно, нет, – поддакнул планетолог. – Во всяком случае, не такой город, какой мы можем вообразить. Не обитали тут ни человекоподобные существа, ни хоть сколько-нибудь на них похожие. А обитатели океана весьма сходны с земными. Значит, было бы вполне логично найти и на суше формы жизни, сходные с нашими.

– Да. Я все время об этом думаю. Никто из биологов не хочет об этом говорить. Что думаете вы?

– Биологи не хотят об этом говорить потому, что история эта смахивает на сказку: дело выглядит так, будто что-то не пустило жизнь на сушу... Будто бы помешало ей выйти из воды...

– Такая причина могла когда-то сработать один раз, например в виде очень близкой вспышки Сверхновой. Вы же знаете, что несколько миллионов лет назад дзета Лиры была Новой. Может быть, жесткое излучение истребило жизнь на суше, а организмы в глубинах океана уцелели...

– Если б было такое излучение, о котором вы говорите, то и сейчас удалось бы обнаружить его следы. Между тем поверхностная радиоактивность почвы исключительно низка для этих областей Галактики. А кроме того, за эти миллионы лет эволюция снова продвинулась бы вперед; конечно, не было бы никаких позвоночных, только примитивные прибрежные существа. А вы заметили, что берег абсолютно безжизнен?

– Заметил. А это действительно имеет такое значение?

– Решающее. Жизнь возникает прежде всего на прибрежном мелководье и лишь потом спускается в глубины океана. Тут не могло быть иначе. Что-то ее спихнуло вглубь. И думаю, до сих пор закрывает доступ на сушу.

– Почему?

– Потому, что здешние рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие живые существа не боялись аппаратов. Никогда они не боятся того, чего не видели.

– Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

– Не знаю я, что они видели. Но зачем им понадобился орган, воспринимающий магнетизм?

– Что за проклятая история! – пробурчал Роган.

Он смотрел на изодранные металлические фестоны, перегнувшись через перила. Черные кривые концы прутьев вибрировали в струе воздуха, рвущейся из-под робота. Баллмин длинными щипцами обламывал один за другим прутья, выступавшие из жерла туннеля.

– Я вам вот что скажу, – произнес он. – Тут даже и не было особенно высокой температуры. Никогда не было, а то металл покрылся бы окалиной. Значит, и ваша гипотеза насчет пожара отпадает.

– Тут никакая гипотеза не устоит, – буркнул Роган. – Да и вообще я не вижу, как можно связать эту идиотскую чащобу с гибелью «Кондора». Ведь это все абсолютно мертво.

– Это не значит, что оно всегда было таким.

– Тысячу лет назад, согласен. Но не восемь... Нечего нам тут больше искать. Вернемся вниз.

Они больше не разговаривали, пока машина не снизилась у зеленых сигнальных огней. Роган велел техникам включить телевизионные камеры и передать «Непобедимому» сведения о ситуации.

Сам он уселся в кабине головного вездехода с учеными. Продув крохотное помещение кислородом, они принялись за бутерброды, концентраты, запивая их кофе из термоса. Над их головами сияла круглая трубка светильника. Рогану был приятен ее белый свет. Его уже раздражал красноватый день этой планеты. Баллмин отплевывался – песок, коварно пробравшийся в мундштук маски, во время еды скрипел у него на зубах.

– Это мне кое-что напоминает... – неожиданно проговорил Гралев, завинчивая термос. Его густые черные волосы блестели под светильником. – Я бы вам сказал, но с условием, что вы не примете это слишком всерьез.

– Если это тебе напоминает хоть что-нибудь, и то уже неплохо, – ответил Роган с набитым ртом. – Говори, что же именно.

– Так прямо – ничего. Но я слышал одну историю... собственно, вроде сказку. О лириках...

– Это не сказка. Они на самом деле существовали. О них имеется целая монография Ахрамяна, – заметил Роган. За спиной Гралева на щите начал пульсировать огонек – сигнал, что включена прямая связь с «Непобедимым». – Пэйн предполагал, что некоторым из них удалось спастись. Но я почти уверен, что это неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

– То есть в шестнадцать световых годах отсюда, – сказал Гралев. – Я этой книги Ахрамяна не знаю. Но слышал, не помню даже где, историю, как они пытались спастись. Будто бы высылали корабли на все планеты других звезд, что поблизости от них. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

– А дальше что?

– Да, собственно, это все. Шестнадцать световых лет – не слишком-то большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел здесь?

– Ты предполагаешь, что они здесь? То есть их потомки?

– Не знаю. Просто я ассоциировал с ними эти руины. Они могли все это построить...

– Как они, собственно, выглядели? – спросил Роган. – Они были человекоподобными?

– Ахрамян считает, что да, – ответил Баллмин. – Но это лишь предположение. От них осталось меньше, чем от австралопитеков.

– Странно...

– Ничуть не странно. Их планета примерно на полтора десятка тысячелетий окунулась в хромосферу Новой. Были периоды, когда температура на ее поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже скалистая подпочва претерпела полнейшую метаморфозу. От океанов и следа не осталось, вся планета прожарилась, как кость в огне. Вы только представьте – сотенка веков в пожаре Новой!

– Лиряне, здесь? Но зачем бы им скрываться? И где?

– Может, они уже вымерли? И вообще вы от меня слишком много не требуйте. Я просто сообщил, что мне пришло в голову.

Настала тишина. На пульте управления вспыхнул сигнал тревоги. Роган вскочил, схватил наушники.

– Роган слушает... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Сейчас выезжаем! – Он повернул к товарищам побледневшее лицо. – Вторая группа нашла «Кондора»... в трехстах километрах отсюда...

«Кондор»

Издали ракета походила на падающую башню. Это впечатление усиливалось от неравномерности песчаных наносов: с запада они были значительно выше, чем с востока; очевидно, тут господствовали западные ветры. Несколько тягачей поблизости от ракеты засыпало почти целиком, и даже недвижимый излучатель с поднятой крышкой наполовину ушел в песчаный холм. Но на корме виднелись отверстия дюз – она находилась во впадине, защищенной от ветра. Поэтому стоило сгрести тонкий слой песка, как открылся доступ к предметам, разбросанным у пандуса.

Люди с «Непобедимого» стояли на краю песчаной воронки. Вездеходы уже опоясали широким кругом всю территорию, и испускаемые эмиттерами пучки энергии слились в защитное поле. Транспортеры смыкались вокруг кормы «Кондора».

Пандус корабля не доходил до поверхности метров на пять, словно что-то внезапно приостановило его спуск. Клеть подъемника, однако, стояла прочно, а пустая кабина с открытой дверцей будто приглашала войти. Рядом с ней торчало из песка несколько кислородных баллонов. Их алюминиевые кожухи сверкали, будто их только что оставили здесь. Чуть подальше из песчаного холма высовывался какой-то голубой предмет – оказалось, что это пластиковый контейнер. И вообще во впадине валялось множество хаотически разбросанных предметов: консервные банки, целые и пустые, теодолиты, фотоаппараты, бинокли, штативы, фляги – одни в целости и сохранности, другие со следами повреждений.

«Ну прямо будто их кто целыми охапками швырял с корабля!» – подумал Роган и, запрокинув голову, посмотрел туда, где темнело отверстие люка: его крышка была приоткрыта.

Маленькая летная разведка под командой Деврие наткнулась на мертвый корабль совершенно случайно. Деврие и не пытался проникнуть внутрь «Кондора», а немедленно уведомил базу. Группа Рогана должна была раскрыть тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от своих машин, неся ящики с инструментами.

Роган заметил под тонким слоем песка какую-то выпуклость, пнул ее носком ботинка, приняв за маленький глобус, и, все еще не понимая, что это такое, вытащил бледно-желтый шар из песка. Он охнул, еле сдержав крик; все обернулись к нему. Роган держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли другие кости – их было много, – а также один целый скелет, одетый в комбинезон. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще лежал мундштук кислородного аппарата, а стрелка манометра остановилась на 46 атмосферах. Став на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ хлынул с протяжным шипением. В идеально сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не коснулся ни одной из стальных деталей редуктора, и винты вращались совсем легко.

Механизм подъемника можно было пустить в ход с нижней платформы, но, видимо, в сети не было тока: на кнопки нажимали безрезультатно. Карабкаться вверх по сорокаметровой ферме лифта было весьма нелегко, и Роган раздумывал, не лучше ли послать вверх несколько человек на летающей тарелке. Но тем временем двое техников, связавшись тросом, полезли по наружному переплету клетки. Остальные молча следили за их восхождением.

«Кондор», звездолет в точности того же класса, что и «Непобедимый», всего несколькими годами раньше сошел со стапеля, и их силуэты были неразличимо похожи. Люди молчали. Хоть никто об этом не говорил, они все же предпочли бы увидеть обломки корабля, разбившегося вследствие какой-то аварии, пускай даже при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, утопая в песке пустыни и безжизненно накренившись, словно поверхность поддалась под давлением его кормовых опор, окруженный таким хаосом вещей и человеческих останков и вместе с тем такой с виду целехонький, всех ошеломило.

Техники добрались до люка, без труда откинули клапан и исчезли внутри. Их не было так долго, что Роган начал уже беспокоиться, но тут дрогнул лифт, приподнялся на метр и снова опустился на песок. В отверстии люка появился один из техников: он взмахнул рукой, показывая, что можно ехать. Роган, Баллмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером вошли в кабину. Роган по укоренившейся привычке посмотрел на мощную выпуклость корпуса, проплывающую за переплетом клетки, – и остолбенел. Титаново-молибденовые плиты были все не то насверлены, не то исколоты каким-то ужасающе твердым инструментом; отверстия эти были неглубокие, но до того густо усеивали наружную оболочку корабля, что вся она стала рябой, словно от оспы. Роган тряхнул за плечо Баллмина, но тот и сам уже заметил эту диковину. Оба они уставились на странные отверстия, стараясь получше их разглядеть.

Все дырочки были маленькие, словно выдолбленные острием долота, а Роган знал, что нет такого долота, которое вгрызлось бы в оболочку космического корабля. Этого можно было бы добиться разве что химическим воздействием. Ничего они, однако, выяснить не смогли – кабина остановилась, надо было идти в барокамеру.

Внутри корабль был освещен: техники уже пустили в ход аварийный генератор, работающий на сжатом воздухе. Песок, удивительно мелкий и легкий, лежал толстым слоем лишь у высокого порога: ветер вдул его туда сквозь щель приоткрытого люка. В коридорах его совсем не было. Помещения третьего яруса открывались перед идущими – чистые, опрятные, ярко освещенные; лишь кое-где лежали второпях брошенные вещи: кислородная маска, пластмассовая тарелка, часть комбинезона. Но так было только на третьем ярусе. Ниже, в картографических и звездных кабинах, в каютах экипажа, на радарных постах, в коридорах – всюду господствовал необъяснимый хаос. Совсем ужасное зрелище представляла собой центральная рубка. Там не уцелело прямо-таки ни одного стекла – ни в экранах, ни в часах. К тому же стекла во всех аппаратах состояли из массы, не дающей осколков, и какие-то невероятно мощные удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульта, кресла, даже проводку и контактные гнезда. По соседству, в библиотеке, будто высыпавшись горой из мешка, валялись развернутые, переплетшиеся в большие скользкие клубки микрофильмы, изодранные книги, изломанные циркули, логарифмические линейки, пленки спектральных анализов вперемешку с кипами больших звездных каталогов Камерона, над которыми кто-то особенно глумился, с яростью, но и с непонятным терпением выдирая один за другим их плотные и твердые пластиковые листы. В клубе и в прилегающем к нему проекционном зале проходы были забаррикадированы грудями смятой одежды и кусками распоротой обивки кресел. Все это, как сказал боцман Гернер, выглядело так, будто на ракету напало стадо взбесившихся павианов. Люди, онемев при виде этого разрушения, проходили ярус за ярусом. В малой навигационной каюте лежал у стены скорченный труп человека в полотняных брюках и испачканной рубашке. Кто-то из техников, первым войдя сюда, накрыл труп брезентом. Это была, собственно, мумия с бурой кожей, присохшей к костям.

Роган ушел с «Кондора» одним из последних. Голова у него кружилась, его одолевали приступы тошноты, и он напрягал всю свою волю, чтобы сдержаться. Ему казалось, что он видел кошмарный, невероятный сон. Но лица окружающих убеждали его, что все это было в действительности. Дали краткую радиограмму на «Непобедимый». Часть экипажа осталась на «Кондоре», чтобы навести хоть некоторый порядок. Однако Роган велел сначала детально сфотографировать все помещения корабля и составить точные описания, в каком виде они находились.

Возвращались они с Баллмином и Гаарбом, одним из биофизиков. Водителем вездехода был Ярг. Его широкое обычно улыбающееся лицо словно съежилось и потемнело. Многотонная машина двигалась рывками, это было совсем не похоже на обычную плавную езду уравновешенного Ярга: вездеход вихлял между дюнами, выбрасывая в стороны гигантские песчаные фонтаны. Впереди шел безлюдный энергобот, обеспечивая силовую защиту. Все молчали;

каждый думал о своем. Роган почти боялся встречи с астрогатором – не знал, что, собственно, ему сказать. Одно из самых ужасных открытий – ужасных своей крайней бессмысленностью – Роган затаил. В туалетной восьмого яруса он нашел куски мыла с четкими отпечатками человеческих зубов. А ведь там не могло быть голода; склады были битком набиты почти нетронутыми запасами продовольствия, даже молоко в холодильниках превосходно сохранилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.